

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.2>

Гаджалова Галимат Расуловна

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО "КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК"

В статье рассмотрены особенности традиционной культуры народов Северного Кавказа, переданные Л. Н. Толстым в рассказе "Кавказский пленник". Проанализированы элементы быта, одежды, жилища и язык горцев, которые изображены в произведении наряду с главной сюжетной линией. Автором статьи предложено сравнение наблюдений писателя с материалами этнографов, описывающих народную культуру Северного Кавказа. На основе проведенного анализа установлено, что наблюдения Л. Н. Толстого во многом совпадают со сведениями ученых, что говорит о глубоком знании писателем бытовой культуры горцев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 2. С. 225-228. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82.32

Дата поступления рукописи: 24.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.2>

В статье рассмотрены особенности традиционной культуры народов Северного Кавказа, переданные Л. Н. Толстым в рассказе «Кавказский пленник». Проанализированы элементы быта, одежды, жилища и язык горцев, которые изображены в произведении наряду с главной сюжетной линией. Автором статьи предложено сравнение наблюдений писателя с материалами этнографов, описывающих народную культуру Северного Кавказа. На основе проведенного анализа установлено, что наблюдения Л. Н. Толстого во многом совпадают со сведениями ученых, что говорит о глубоком знании писателем бытовой культуры горцев.

Ключевые слова и фразы: Лев Толстой; рассказ «Кавказский пленник»; обряды; быт; традиционная одежда; языковая культура народов Северного Кавказа.

Гаджалова Галимат Расуловна

*Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
galima94@mail.ru*

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Тема Кавказа, так любимая многими русскими классиками, остается неисчерпанной и полной новых открытий и трактовок для литературоведов и сегодня. В свое время Кавказ воспевали Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Александр Бестужев-Марлинский, Сергей Есенин и другие писатели. Особое место Кавказ занимал и в творчестве Льва Толстого. Прибыв сюда с братом Николаем в 1851 г., Л. Н. Толстой принимает участие в военных действиях. И здесь же он пишет свое первое произведение – повесть «Детство», – которое в дальнейшем (вместе с повестями «Отрочество» и «Юность») становится литературным дебютом писателя.

Кавказ произвел большое впечатление на писателя. Спустя время он напишет в своем дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью» [6]. Здесь Л. Н. Толстой пишет повесть «Казачьи», рассказы «Набег» и «Рубка леса». Однако самыми знаменитыми «кавказскими повестями» писателя являются «Хаджи-Мурат» и «Кавказский пленник» (последнюю он также называл рассказом) [13]. В обоих произведениях Л. Н. Толстого есть значительный материал с подробным описанием горского быта, рассказами о традициях и ритуалах жителей Кавказа. Местами писатель использует фразы из их языков.

«Кавказские повести» были объектом внимания целого ряда литературоведов [1; 5]. Они обратили внимание на многие художественные особенности повестей. Так, например, М. Ш. Абдулаева пишет, что о высокой степени популярности повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» говорит отмеченный многими учеными процесс фольклоризации данного произведения [1]. Однако в то же время еще плохо изучено то, как отражена в повести бытовая культура горцев. В статье сделана попытка анализа особенностей одной из таких повестей (рассказ) Л. Н. Толстого – «Кавказский пленник». Для анализа мы выбрали тему отражения Л. Н. Толстым национальной жизни и сравнили наблюдения писателя с материалами этнографов.

Рассказ «Кавказский пленник» (1872 г.) отличается от работ, созданных Л. Н. Толстым прежде. Здесь нельзя найти объемных описаний или сложных стилистических оборотов – все написано предельно просто. Не зря автор поместил рассказ в школьное пособие «Азбука», написанное им для обучения детей письму, чтению и арифметике. «Кавказский пленник» по сей день входит в школьную программу и остается одним из любимых произведений учащихся.

Фактически «Кавказский пленник» – рассказ, основанный на реальных событиях. Во время службы на Кавказе Л. Н. Толстой встречался с чеченцами и вместе со своим спутником Садо чуть не попал в плен к иноземцам. Но в самом произведении писателя главное внимание уделено не этому случаю. На основе события из своей личной жизни он создает лирическое произведение о человеческих характерах. Помимо описания жизни главных героев, дружбы Жилина с местной девочкой Диной, автор рисует перед читателем и занимательную картину повседневной жизни горцев того времени.

Слова, передающие национальный колорит Северного Кавказа, появляются уже на первых страницах повести. Писатель поясняет читателю, что на Кавказе шла война между русскими и «татарами». «На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости – татары или убьют, или уведут в горы» [13, с. 65]. И тут же в примечании он объясняет, кто такие «татары». По его словам, «татарами в те времена называли горцев Северного Кавказа, которые подчинялись законам мусульманской веры» [Там же]. Сегодня хорошо известны этносы, проживающие на Северном Кавказе (дагестанские народы, чеченцы, ингуши, осетины, кабардинцы, балкарцы, адыги, карачаевцы и др.). Их уже не называют «татарами». Использует писатель и привычное для Кавказа название села «аул», называет представителя одного из северокавказских народов («ногаец»).

С национальным колоритом Кавказа связаны описания Л. Н. Толстым убранства дома, куда приводят Жилина. На стенах комнаты висят ковры, а на коврах – «ружья, пистолеты, шашки – все в серебре» [Там же, с. 70]. Богато отделанное оружие тогда являлось украшением парадной комнаты в доме горца. «Ковры, паласы, постель, одежда, оружие, посуда и прочее помещалось в парадной комнате» [4, с. 163]. Также известно, что

на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, в это время (и сегодня) были широко развиты народные ювелирные промыслы по украшению холодного оружия [8, с. 43-63].

Любопытны наблюдения Л. Н. Толстого о других деталях убранства дома. «В передней стене пуховики пестрые уложены», – также пишет он [13, с. 70]. Здесь, видимо, имеется в виду некая ниша в стене, куда складывались все постельные принадлежности. О такой нише известно и этнографам. Под пуховиками автор мог иметь в виду начиненные кусочками шерсти подушки, как принято у многих горцев и сегодня. Л. Н. Толстой заметил и другую особенность эпохи. Разноцветные ситцы российских фабрик, поступающие на Кавказ, широко использовались при изготовлении постельных принадлежностей, подушек, подстилок. О внутреннем убранстве жилища народов Дагестана писали многие. По словам, например, И. Пантюхова, «всю мебель составляют лишь сундуки, ковры, разного рода перины и подушки» [11, с. 163].

Л. Н. Толстой писал и о том, что в доме «пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, и на коврах пуховые подушки» [13, с. 70]. Интересно, что в этнографической культуре Дагестана до начала 1960-х годов традиционные глиняные полы, покрытые паласами, войлоками и коврами, были характерной особенностью горского быта. Глиняный пол особенно был характерен для равнинной и предгорной зоны. Как пишут этнографы, у народов Дагестана в горном жилище обычно «полы были повсеместно глиняные, для этого их обмазывали глиной, замешанной с соломой и небольшим количеством навоза» [10, с. 92].

Интересны описания Л. Н. Толстого народной одежды горцев. Мужчины у него преимущественно одеты в бешметы, на ремне всегда «кинжал серебряный», «в башмаках на босу ногу», а на голове шапка «высокая, баранья, черная, назад заломлена» [13, с. 68]. Подчеркивает автор и то, что некоторые одеты в костюм дорожке: «...бешмет шелковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие, толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка» [Там же, с. 69]. Л. Н. Толстой здесь дает почти этнографически точное описание одежды простого и богатого горца. Такие особенности мужской одежды подробно рассмотрены в исследованиях ученых-этнографов. «Среди состоятельных молодых людей особенно популярны были легкие бешметы из шелковой ткани зеленого цвета с переливом фиолетового или другого оттенка», «воротник, карманы, низ рукавов бешмета обшивались тонкой тесьмой цвета самого бешмета, тогда как нарядные молодежные бешметы в этих же местах, а также по краям разреза и по низу украшались галуном» [2, с. 71, 72]. Традиционный кавказский мужской головной убор – папаху шили из овчин молодых барашков. «Форма и размеры папахи менялись в зависимости от господствующей моды, которой обычно следовали, прежде всего, состоятельные слои населения» [Там же, с. 84]. «Высокие цилиндрические папахи были принадлежностью одежды состоятельных слоев населения. Наиболее нарядной считалась папаха из белой овчины» [Там же, с. 85].

Говоря о нарядах своих героев, девочек и девушек, Л. Н. Толстой делает акцент на головном уборе. Так, тринадцатилетняя девочка одета в длинную рубашку с широкими рукавами и без пояса, а на ногах у нее башмачки с каблуками. Но голова ее не покрыта. Через некоторое время появляется другая героиня – девушка постарше, которая одета в такую же рубашку, но голова у нее покрыта платком. Таким образом, автор подчеркивает тот факт, что платок в то время свидетельствовал о возрасте девушки. Маленькие девочки, как сообщают и этнографические материалы, платки не носили, но к моменту достижения определенного возраста (чаще всего 14-16 лет) они должны были покрывать голову. Вообще, предмет одежды в виде платка или покрывала, говорящий о возрасте, можно встретить у народов Кавказа и по сей день. Чаще всего это головной убор. К примеру, у кубачинцев Дагестана молодые девушки с 16 лет начинали носить вышитое покрывало «кІаз». Обычно у незамужних «кІаз» бывал вышит мелким узором, а замужние носили покрывало с крупным орнаментом [3].

Любопытна еще одна деталь при описании Л. Н. Толстым женского наряда: у девочки на шею надето «монисто – ожерелье из бус, монет или цветных камней, все из русских полтинников» [13, с. 69]. Такие ожерелья были украшением многих народов мира. «Монеты в былые времена к колье привешивали не случайно. Металл денежных знаков, их номинал, указывал на достаток человека и его семьи. Славянские девушки могли недоедать, но сохранять золотые и серебряные монеты для монисто. Шикарное украшение сулило солидного жениха. Сосватать невесту с колье из меди или олова за обеспеченного мужчину было весьма сложно. Путешественники из Европы, гостившие в России в царские времена, писали: “На шее славянки носят больше денег, чем стоит весь их дом”» [9]. Вот что отмечают ученые-этнографы, изучавшие особенности кавказских украшений. «Наиболее известны два типа монист. К первому типу относятся монисты одного или нескольких рядов монет, укрепленных на цепочке и соединенных между собой маленькими колечками. Второй тип представлен украшением... в котором ряды монет перемежались бляшками шестилепестковых розеток и бусами» [2, с. 114]. Кстати, украшения в стиле монисто стали набирать популярность и в наше время. Девушки все чаще приобретают для себя ожерелья с большим количеством монет и других этно-аксессуаров. Монисто было популярно и у народов Северного Кавказа, в том числе народов Дагестана. Л. Н. Толстой, как наблюдательный человек, обратил внимание и на то, что в монисте его героини были не только монеты, но и бусы и цветные камни. Такие камни служили и оберегом, талисманом для девушки. Особенно популярен был в Дагестане «цветной камень» в виде самоцвета-сердолика, используемого как амулет [14, с. 213-215].

Описанию обычаев горцев в повести также отводится немало места. Особенно подробно Л. Н. Толстой рассказывает про обряд похорон. «Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собралась старика, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мертвым. Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядком, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит: – Алла! (значит бог). <...> Потом

прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта непростая, а подкопана под землю, как подвал. <...> Притащил ногаец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядком перед могилкой. Долго молчали. <...> Роздал рыжий деньги старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой» [13, с. 77-78].

Автор также описывает обычай резать скотину в честь покойника. Так, в рассказе «Кавказский пленник» после похорон убитого горца его родственники режут кобылу и едят ее три дня. Именно столько длится поминание покойника. Все эти детали, обрисованные Л. Н. Толстым в рассказе, хорошо описаны и этнографами Северного Кавказа. Это и поминальное угощение пришедших на соблезнование (поэтому и режут скот на мясо), это и установка надмогильного камня, это и детали укладывания покойника в могилу (в специальную подбойную нишу), и раздача милостыни (деньги) в память об усопшем, и роль муллы как распорядителя похорон, и другие. Сегодня во многих местах Дагестана возродились и более ранние традиции – раздача после похорон не денег, а хлеба, сахара, мяса и других продуктов.

Вообще религиозные мотивы занимают в повести значительное место. Л. Н. Толстой описывает обычай прочтения молитвы после еды, рассказывает о том, что всех, кто побывал в Мекке, называют «хаджи», и они носят чалму. Также герой рассказа Жилин слышит призыв муллы на молитву. Л. Н. Толстой поясняет, сколько раз мулла («мусульманский священник») призывает сельчан к молитве.

Глазами Жилина мы видим и другие детали быта. Например, то, как «татарка молоденькая» в селении идет за водой, причем «большой кувшин жестяной с водой» у нее не за спиной, как чаще всего бывает на Кавказе, а «на голове». «Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашонке» [Там же, с. 68]. Писатель как бы восхищается силой хрупкой татарки: мало того, что она несет тяжелый кувшин на голове, так еще и ребенка за руку ведет. Вместе с тем эта интересная деталь (традиция ношения полных кувшинов с источника на голове) не встречается в Дагестане. Здесь в этнографически обозримом прошлом встречались два способа ношения полных кувшинов. Первый способ – это ношение кувшина «за спиной». Его можно назвать способом кубачинского типа. Кувшин при этом несут с помощью специальной тканой неширокой перевязи, продетой через маленькую ручку у венчика, характерной для гончарных водоносов. Этот способ самый древний и характерен для тех народов, кто пользовался глиняными водоносами. Эта традиция перешла потом на ношение медных водоносов (в Дагестане возникновение традиции относится к XIV-XV вв.) и была характерна для горных районов [7, с. 128-141]. Второй способ – это ношение кувшина «на спине» с помощью кованой ручки водоноса, куда женщина продевает правую руку. При этом использовалась тканая наспинная подкладка (чтобы уменьшить нагрузку полного кувшина на талию женщины). Этот способ можно назвать «ожнодагестанским» или «кавказским». Обе традиции в селах Дагестана бытуют и сегодня.

Таковы были традиции ношения кувшинов у других горцев Северного Кавказа, чеченцев например. Поэтому нам было загадкой то, как «татарка» у Л. Н. Толстого несет кувшин с водой на голове. Но этнографы говорят, что был подобный способ ношения полного кувшина воды. Его происхождение связано с древним способом ношения тяжестей на «голове», точнее на плече. При таком способе девушка носила полный кувшин на плече, придерживая его левой рукой за ручку кувшина, а правой за поддон. Поддон кувшина при этом упирался в плечо. Как отмечает исследовательница, ведущий научный сотрудник отдела этнологии Академии наук Чеченской Республики Т. М. Шавлаева (признательна ей за информацию. – Г. Г.), под плечо старые женщины подкладывали подушечку, а молодые старались обходиться без нее, стараясь правой рукой крепко держать кувшин за поддон. Именно об этом способе, видимо, пишет писатель Л. Н. Толстой. Но писатель мог быть несколько неточен. При таком способе ношения полного кувшина издалека, действительно, кажется, что женщина несет сосуд на голове. В наше время именно такой исторический прием ношения кувшина обыгрывается в сценической практике фольклорных ансамблей.

Интересны и другие этнографические детали. Женщины в рассказе готовят лепешки из козьего молока, а затем сушат их на крыше. Здесь, видимо, речь об этнографической практике горцев по изготовлению впрок (заготовки на зиму) сушеного сыра в виде небольших кружочков («лепешек»). Вот что пишут об особенностях национальной кухни этнографы: «...молоко и молочные продукты занимали значительное место в питании горцев», из которых «самое главное место занимали сыры», «сыр держали в бурдюках из козьих шкур или в кувшинах с широкими горлышками», сыр также «часто сушили» и «его можно было хранить годами» [12, с. 153, 154]. Герои «Кавказского пленника» едят просяные блины, которые сначала макают в коровье масло, пьют «татарское пиво», которое называется, по словам писателя, «буза». Как отмечают исследователи народной кухни, это «один из самых древних алкогольных напитков горцев» [Там же, с. 139]. Буза относилась к мучным изделиям, ее готовили на основе солода (мука из проросшего ячменя). Писатель отмечает также и то, что горцы «обычно все едят руками» [13, с. 70]. Все это хорошо известно этнографам Северного Кавказа. Многие из этих традиций сохраняются и сегодня.

Обращают внимание в рассказе и выражения из речи местного населения. Их попытки выразиться на русском отражены в колоритном выражении «корош урус», что наверняка значит «хороший русский человек».

На основе сделанного анализа рассказа Л. Н. Толстого можно сделать вывод, что великий писатель глубоко знал культуру народов Северного Кавказа. Описывая убранство дома, детали мужского и женского костюма, обычаи и традиции горцев, используя их язык, он сумел показать все особенности культуры народа. Проведенное сравнение наблюдений Л. Н. Толстого с исследованиями этнографов свидетельствует о широком взгляде писателя на культуру жителей Кавказа. Именно поэтому «Кавказский пленник» стал для читателей не только интересным художественным произведением, но и любопытным этнографическим источником о жизни горцев.

Список источников

1. **Абдулаева М. Ш.** Русско-дагестанский литературный дискурс в контексте диалога культур // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 129-132.
2. **Булатова А. Г., Гаджиева С. Ш., Сергеева Г. А.** Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас. Пушкино: ОНТИ ПНЦ, 2001. 289 с.
3. **Гаджалова Ф. А.** Традиционное и новое в кубачинской вышивке // Наука и молодежь: сборник статей. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2003. Вып. 6. С. 188-194.
4. **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Материальная культура даргинцев. Махачкала: Изд-во Дагфилиала АН СССР, 1967. 300 с.
5. **Короткова Е. Р.** Повседневная жизнь, характеры, обычаи и ритуалы горцев Кавказа в произведениях Л. Н. Толстого // Наука XXI века. 2017. № 5. С. 1-5.
6. **Л. Н. Толстой на Кавказе** [Электронный ресурс]. URL: <http://behtau.net/tolstoy.php> (дата обращения: 27.02.2018).
7. **Магомедов А. Дж.** «Город» мастеров: из истории художественных и общественных традиций Кубачи. Махачкала: Наука – Дагестан, 2011. 246 с.
8. **Магомедов А. Дж.** Традиционное художественное ремесло Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999. 205 с.
9. **Монисто** [Электронный ресурс]. URL: <https://vvoi-uvellir.ru/monisto/> (дата обращения: 18.01.2018).
10. **Османов М. О.** Жилище даргинцев в XIX-XX веках (этапы развития и трансформации). Махачкала: ИИАЭ, 2009. 276 с.
11. **Пантюхов И.** Современные лезгины // Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала: Изд-во Дагфилиала АН СССР, 1967.
12. **Рамазанова З. Б.** Традиционная пища народов Нагорного Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. 285 с.
13. **Толстой Л. Н.** Хаджи-Мурат. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1979. 352 с.
14. **Шиллинг Е. М.** Кубачинцы и их культура: историко-этнографические этюды. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 240 с.

**REPRESENTATION OF THE NORTH CAUCASIAN NATIONAL CULTURE
IN L. N. TOLSTOY'S STORY "THE PRISONER OF THE CAUCASUS"**

Gadzhhalova Galimat Rasulovna
Dagestan State University, Makhachkala
galima94@mail.ru

The article examines the peculiarities of the North Caucasian traditional culture represented in L. N. Tolstoy's story "The Prisoner of the Caucasus". The paper analyzes specific features of the Caucasian everyday life, clothing, dwelling and language, which are described in the story in parallel with the basic story line. The researcher compares the writer's observations with ethnographic materials on the North Caucasian traditional culture and concludes that L. N. Tolstoy's observations in many ways coincide with scientific data, and it indicates the writer's excellent competence in the Caucasian everyday culture.

Key words and phrases: Leo Tolstoy; story "The Prisoner of the Caucasus"; rituals; everyday life; traditional clothing; North Caucasian linguistic culture.

УДК 821.512.141

Дата поступления рукописи: 06.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-2.3>

В середине 20-х гг. XX века в повестях М. Гафури, Д. Юлтыя, А. Тагирова, И. Насыри, Г. Хайри, Г. Давлетшина прослеживается переход от эпизодичности в отображении действительности к более длительным отрезкам человеческой жизни, к стройной и целостной системе показа жизнедеятельности личности, к изображению событий в их пространственной и временной плоскости. Установлено, что подобные тенденции способствовали росту мастерства построения сюжета, композиционному разнообразию, раскрытию характерных черт человека новой эпохи в башкирских повестях 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: эпизодичность; хроникальность; хронотоп; герой; сюжет; композиция; жанр; стиль.

Гареева Гульфира Нигаматовна, д. филол. н., доцент**Валеева Фарзана Файзулловна****Исхакова Гульшат Расулевна***Башкирский государственный университет, г. Уфа**gareevagulfira@mail.ru; valeeva.farzana@mail.ru; gulshat.iskhakova90@yandex.ru*

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКИХ ПОВЕСТЕЙ 1920-Х ГОДОВ

В двадцатые годы термин «повесть» не вошел еще в обиход башкирской литературы. Многие повести вышли под названием «длинный рассказ». Они и по содержанию, и по форме были близки к рассказам.

В середине двадцатых годов XX века в башкирской прозе прослеживается своеобразный перелом, связанный с превращением события в рассказе в литературный эпизод. Это явление, порожденное стремлением